

П р и к а м ь я д о в о г о К р а с н о г о с к о г о Т е а т р а

ИХ НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ...

«...За сценой, под сценой и над сценой встает ироме актеров «еще и другие люди, которые вместе с ними тнают и толпают фургон Фестиваля.* Хотя они выполняют эту миссию всегда профессионально, в общепринятом понимании «сценических создателей», — они играют отвлеченную роль в отвлеченном спектакле. Поэтому да-будут и они прославлены в нашей стране...»

Мария МАЛЕХ. «Как это будет писателю».

До начала «Трех сестер» сорок минут. Но на сцене среди поставленных еще днем декораций — «гостиной с колоннами в доме Прозоровых» — время от времени появляются озабоченные люди.

Вот пробежала со старинной настольной лампой в руках худенькая женщина. Это реквизитор тата Тоня — Антошья Ивановна Луцегова. Вот выходит на авансцену, внимательно оглядывает «гостиную» заведующая мебельным цехом Вера Николаевна Луцкая. Она подходит к одному полукреслу, чуть передвигает, поворачивает его... Заведующая электроцехом Людмила Привалова прошла по сцене, задумчиво поглядывая на армию закрученных прожектор-

В театре тихо. Когда идешь по служебным коридорам и лестницам, слышишь только громкие разговоры, чьи-то торжественные шаги, изредка смех и гримерных. Но вот вливается в поток этих понятных, объяснимых звуков таинственный, все осаживающийся гул. Это — дышит, шум зрительного зала. Значит, скоро начал.

Сопровождаемая этим гулом, выходящая по узкому коридору за сцену в женскую гримерную. Здесь гудежит и фыркает на сцену человек за человеком. Гример-парикмахер Надежда Петровна Пестогова делает прическу одной из трех сестер — Ирине, роль которой исполняет артистка Меньшова. Надежда Петровна тридцать три года в театре. Спрашивается, не случилось ли в ее практике забавных недоразумений, говоря по театральному — «книжарок»?

— Что вы! Это только со стороны наблюдая забавно, — Надежда Петровна даже перестает на мгновение заглядывать назад Ирине. — А вы, мастера, вы боитесь. Во мне сытоса! У меня все время одна и та же сон-буфта третий звонок звонит, а я не успеваю...

И, словно по заказу, из динамика раздается голос:

— Внимание, третий звонок. Вот тут и наступает самый интересный, творческий момент. Все ли готово? Ужас, чуждый голос из динамика действует да задумавшись множество людей за кулисами театра — актеры и не актеры. Заставляет задуматься, размышлять.

Голос этот принадлежит помощнику режиссера Людмиле Силицыной. Она стоит с микрофоном в руке за дельным порталом сцены. На маленьком пульте управления лежит распечатанный на первой странице сценарий — текст пьесы с пометками на полях. После какой реплики должен произойти шаг, когда ударить позымишь сам, когда всдрыгнуть «утреннему» свету в окнах Прозоровых? Все это помнит ведущий спектакля помреж. Готов ли актер к выходу? — нужно напомнить. За кулисами не оказалось стакана воды, «играющего» в следующем эпизоде. И слова Людмилы Силицыной за микрофон, в служебных помещениях театра раздаются ее шепот. Во весь голос говорить нельзя — буквально в нескольких сантиметрах от нее — сцена, на которой идет тончайший, хрупкий диалог Маши и Вершишны.

А зритель и не подозревает, что течение спектакля и его зрительская душа, в этот момент зависят не только от артистов Гизбурга и Аникеевой, исполняющих роли вершишны и Маши. Ритм спектакля, а значит, во многом и его настрой,

* Фестиваль — по преданию актер первых трагедий в Древней Греции.

его выразительность — в руках стоящих за кулисами Людочки Силицыной. И Людочки Приваловой, которая следит за светом из регуляторной...

Есть, снажем, такой маленький эпизод в пьесе. Федотки дарит Ирине волчок. Он заводит его, говорит:

— Удивительный звук...

И абсолютно точно — в нужное мгновение, ни тише, ни громче, чем быть должно, — печальный, протяжный звук вертящегося волчка повисает над залом. Не будь у звукооператора такого бережного отношения и находные режиссера, такого такта и чутья, не прозвучала бы эта нотка так щемяще. А ведь по нотке этой, как по звуку камертона, настраивается, пожалуй, весь спектакль...

Вот так движется представление — «колесница Фестиваля».

Но театр — это не только вечернее представление. Это и будничная, утренняя работа. В глубине внутреннего театрального дворика, в столярке молодой бородастый парень Виктор Крестьянинов сколачивает царский трон. Пинует задним заведующий декоративным цехом Виктор Мяких. В столярочном цехе сорок пятый год шьет наикрасивейшее и наистарейшее мужское платье костюмер Полина Макаровна Чуфелина...

Есть, кстати, у театра такая особенность, здесь работают всю жизнь. Театр не отпускает.

Пробовала уйти на завод Вера Николаевна Луцкая.

— Почему вернулась? — переспрашивает она. — А вот увижу по телевизору наших — ну не могу.

Тридцать пять лет проработал в театре художник по свету Владислав Александрович Горбунов.

— Я во время войны сюда пришел, — рассказывает Горбунов. — Вначале стеклышки для фонарей красил. Фонари тогда дуговые были, жара от них. Мы, осветители, — мальчишки совсем — приспособились на этих фонарях картошку печь. Ох, и влетело, помню, от тогдашнего главного режиссера. Запах-то идет, зал же о чем думать, кроме картошки, не мог...

Двадцать семь лет в театре заведующая постановочной частью Ирина Владимировна Шапошникова. В ее рабочей комнате мы говорим о людях театра, которых не видит зритель.

— Люди театра, — говорит Ирина Владимировна, — это все, кто в театре работает всерьез, все, кто театру предан.

...И вспомнила я, как в вечер, когда шли «Три сестры», актер с тридцатипятилетним стажем Юрий Николаевич Гладков ска-

чал мне:

— Если вы будете писать о людях театра, не забудьте о Леле Колывановой. Она в гардеробной работает. Нас всех молодыми еще почтуют. Вот уж настоящий театральный человек. Мы встретились с Ольгой Александровной, седой старушкой, на полпути от зала к гардеробу.

— Конечно, я все помню, — улыбнулась она, — но рассказывать сейчас не могу. Кончается спектакль...

Тетя Леля побежала к гардеробу, к вешалке, с которой, как известно, «начинается театр»...

А. БЕРДИЧЕВСКАЯ.

На снимке: на сцене и за сценой. Спектакль ведет Людмила Силицына.

Фото автора.